
безопасности пищевых продуктов, а также работа Целевой группы, касающиеся новых пищевых продуктов и питания, и Рабочей группы по вопросам согласования и регулирующих механизмов в биотехнологии являются важным шагом в данном направлении. Особую роль должны сыграть специализированные учреждения ООН: ФАО и ВОЗ, которые будут проводить периодические международные встречи по вопро-

сам безопасности продуктов питания с целью содействия процессу научных и общественных консультаций.

Без уяснения этих аспектов перехода к устойчивому варианту мирового развития, как это записано в документах ООН, невозможно представить современные механизмы взаимосвязи социально-экономических, экологических и демографических процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Н. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004.
2. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. М., 1998.
3. Глобализация мирового хозяйства и национальные интересы России / Под ред. В. П. Колесова. М.: Диалог — МГУ, 1997.
4. Капица С. П. Теория роста населения Земли. М., 1997.
5. Население и глобализация. М.: Наука, 2002.
6. Население и экономика / Под ред. Н. М. Римашевской. М.: Наука, 2002.

REFERENCES

1. Bauman Z. N. Globalizacija: posledstvija dlja cheloveka i obschestva. M.: Ves' mir, 2004.
2. Bednost': al'ternativnye podhody k opredeleniju i izmereniju. M., 1998.
3. Globalizacija mirovogo hozjajstva i nacional'nye interesy Rossii / Pod red. V. P. Kolesova. M.: Dialog — MGU, 1997.
4. Kapica S. P. Teorija rosta naselenija Zemli. M., 1997.
5. Naselenie i globalizacija. M.: Nauka, 2002.
6. Naselenie i ekonomika / Pod red. N. M. Rimashevskoj. M.: Nauka, 2002.

О. Н. Гуцина

ПУТИ РАЗВИТИЯ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

После крушения коммунистических режимов и снижения актуальности коммунистической идеологии под вопросом оказалось само существование леворадикальных партий в странах Западной Европы. Однако в настоящее время леворадикальные партии, адаптировавшиеся к новым условиям, представлены более чем в десяти национальных парламентах стран Западной Европы. В статье представлены основные подходы к анализу современных европейских леворадикальных партий, а также модели развития коммунистических партий на примере Франции, Германии и Нидерландов.

Ключевые слова: леворадикальные партии, Европа, трансформация, электоральные показатели.

**DEVELOPMENT PATTERNS OF WEST EUROPEAN RADICAL LEFT PARTIES
AT THE END OF 20TH — BEGINNING OF 21ST CENTURIES**

The existence of radical left parties in Western Europe was under question after the fall of communist regimes and downturn of Communist ideology. Nevertheless, the radical left parties, having adjusted to the new situation, are currently represented in more than ten national parliaments of Western Europe. The article examines the main approaches to contemporary European radical left parties' analysis as well as the development patterns of Communist parties considering the cases of France, Germany and the Netherlands.

Keywords: radical left parties, Europe, transformation, electoral performance.

К середине 1960-х годов левая часть политического спектра была представлена коммунистическими партиями, опиравшимися на поддержку со стороны рабочего класса, ориентированными в идеологическом плане на марксизм-ленинизм и связи с СССР, а также с более умеренными социалистическими партиями. Однако в конце 1960-х годов происходит всплеск леворадикальных движений, ориентирующихся на молодое поколение, с новыми ценностями, в основе идеологии которых не марксизм-ленинизм, а идеи троцкизма и маоизма. Так, например, в Нидерландах в 1971 году была образована Социалистическая партия, в основе идеологии которой лежала «марксистско-ленинистская идеология, обогащенная мыслями Мао» [16, p. 154].

Тогда же приобретают значимость постматериалистические ценности, такие как защита окружающей среды, гендерное равенство, демократия участия, артикулируемые в основном «новыми левыми» и «новыми социальными движениями», которые в партийной плоскости были представлены партиями «зеленых». В настоящее время «зеленые» не играют существенной роли среди радикальных партий, хотя первоначально партии «зеленых» считались радикальными: экологизм — ядро их идеологии — отвергал капитализм и был критически настроен в отношении (либеральной) демократии [14, p. 93]. Однако «к концу 1980-х гг. внутрипартийная

борьба между фундаменталистами и реалистами завершилась в пользу умеренных сил, и "зеленые" трансформировались в умеренные левые партии, принимающие капитализм и либеральную демократию, иерархическую партийную организацию, а электоральные стратегии стали доминировать» [11, p. 41].

В это же время среди европейских компартий распространяются идеи еврокоммунизма и проведения независимой от догм ЦК КПСС политики. Однако несмотря на попытки модернизации, коммунистические партии продолжали терять электоральную поддержку, так как если СССР считал их после отступления от марксистско-ленинских догм антикоммунистическими, то внутри Европы они все равно воспринимались как ортодоксальные и косные [6, p. 545]. Некоторые исследователи полагают, что «еврокоммунизм ускорил упадок западного коммунизма и был одним из множества гвоздей в крышке гроба реально существующего социализма» [Ibid.].

После крушения социалистических режимов и снижения актуальности коммунистической идеологии под вопросом оказалось не только само существование коммунистических партий, но и устойчивость большинства леворадикальных сил. Для выживания европейские леворадикальные партии — как старые, так и новые — были вынуждены адаптироваться к новым условиям и существенно пересмотреть если не

свои взгляды и установки, то как минимум форму их подачи избирателям.

Общей целью леворадикальных партий с 1989 года стало развитие «национально аутентичного социализма», т. е. поиск идентичностей, которые вернут им политическую легитимность внутри страны, подчеркнут национальное социалистическое наследие и смоют любые «пятна» идентификации с «провальным проектом» [10, р. 397]. Наиболее успешным ответом на поставленные задачи был путь трансформации в социал-демократические партии, однако это было возможно в тех странах, где существовавшие на тот момент социал-демократические партии были слабыми, например, в Италии.

Для многих партий оказался логичным выбор стратегии в пользу сохранения элементов радикальной идентичности и отличности от социал-демократии, для них социал-демократическая трансформация означала, по сути, самороспуск партии. Во многих случаях, особенно там, где партии зеленых были слабы, «экосоциалистическая или демократико-социалистическая стратегия "новой левой" политики была наиболее естественным выходом из коммунизма, хотя в странах, где постматериалистические идентичности были менее развиты, привлекательнее всего оказался популизм» [4, р. 38].

Британский ученый Л. Марч выделил шесть стратегий, которые выбрали партии в ответ на этот вызов [11].

Первой стратегией стал окончательный отказ от лейбла «коммунистический». Для некоторых, как, например, для Шведской левой коммунистической партии, ставшейевой партией, или для германской СЕПП, сначала это был во многом вопрос переименования и определения себя как некомунистических радикальных левых партий.

Вторым вариантом развития стала трансформация в полноценные социально-демократические партии. В Западной Ев-

ропе наиболее ярким примером можно считать итальянскую коммунистическую партию, эволюционировавшую в Демократическую партию левых, и, наконец, на сегодняшний день — в Демократическую партию, получившую на парламентских выборах 2008 года 33,2% голосов [22].

По *третьему пути* пошли некоторые восточноевропейские бывшие коммунистические партии, принявшие националистически-популистскую окраску. Это Сербская социалистическая партия, Болгарская социалистическая партия и Социально-демократическая партия Румынии, хотя позднее эти партии встали на социально-демократические позиции.

В *четвертую группу* Л. Марч объединяет партии, которые прекратили свое независимое существование и стали либо участниками полупостоянных коалиций демократической социалистической ориентации, как Испанская коммунистическая партия, превратившаяся в Объединенных левых, либо союзниками социал-демократических партий, с которыми они формируют объединенные списки на выборах.

Пятая стратегия объединяет партии, которые растворились в посткоммунистических коалициях, представляющих различные идеологии, как, например, Коммунистическая партия Нидерландов (КПН). Другие сформировали так называемые «широкие левые партии» — постоянные коалиции разнообразных радикальных и экстремистских левых тенденций, например, Итальянское коммунистическое возрождение, Шотландская социалистическая партия, датский Красно-зеленый альянс и португальский Левый блок.

И *шестой вариант*: многие партии сохранили свои прежние названия и идентичность, но попытались постепенно адаптироваться — это коммунистические партии Греции, Португалии, Франции и Кипра, а также Голландская социалистическая партия.

Для классификации коммунистических и посткоммунистических партий существуют различные, однако перекликающиеся между собой типологии. А. Бозоки и Дж. Ишияма предлагают для категоризации «преемниц» компартий два измерения: реформирование / обновление и «трансмутацию» [5, р. 7–8]. Первое измерение представляет собой шкалу от ортодоксального, ориентированного на советское наследие коммунизма до социал-демократии. Оно также соответствует дифференциации между революционными и реформистскими левыми, которую авторы сопоставляют с вопросом принятия либеральной демократии. В то время как революционные левые намерены устранить систему как экономической, так и политической конкуренции, левые реформисты стремятся к социально-экономическим изменениям в институциональных рамках демократического конституционного государства. В основе второго измерения лежит дихотомическое разделение между интернационализмом и национализмом. В центре внимания авторов находятся тенденции, проявившие себя в странах бывшего соцлагеря, когда ряд коммунистических партий перешел к канализации националистических, этноцентристских, ксенофобских, а порою и антисемитских настроений. В результате выделяются четыре типа посткоммунистических партий: ортодоксальные коммунистические, национал-коммунистические, модернизированные / социал-демократические и националистские социалистические / популистские.

У. Бейкс и П. Моро предлагают другую классификацию, деля (пост)коммунистические европейские партии на три группы: ортодоксальные, реформистские и «лево-зеленые» [9]. Ортодоксальные партии сохранили свою приверженность идеям марксизма-ленинизма как в идеологическом, так и в организационном плане, выступают против империализма, главным олицетворением которого является США и который

все чаще ассоциируется с неолиберальной глобализацией, и поддерживают связи с коммунистическими режимами, прежде всего с КНДР и Кубой. Роль ортодоксальных компартий в целом в Европе незначительна. Исключение представляют Кипр, Греция и Португалия, где их электоральная стабильность объясняется ролью коммунистического движения в борьбе против диктаторских режимов и восстановлении демократии, а также социально-экономическими условиями — большим удельным весом аграрного сектора и более медленным экономическим развитием.

Реформистские партии прошли процесс демократизации и отказались от идей революции; они проводят разграничение между капитализмом и рыночной экономикой, стремясь заместить власть, благоприятствующую господству капитала, сотрудничеством всех участников и справедливым распределением результатов труда. Функционирование экономики предполагает наличие рыночных механизмов, но ограничения и справедливые правила устанавливаются национальной и международной демократией [17; 24]. К таким партиям авторы причисляют, например, германских левых и французскую компартию.

К категории красно/лево-зеленых относятся прежде всего партии Северных стран (Социалистическая народная партия Дании, Социалистическая левая партия Норвегии, Левая партия Швеции, Финский левый альянс и Лево-зеленое движение Исландии), которые в 2008 году сформировали Северный зелено-левый альянс (NGLA), а также голландские Зелено-левые и несколько греческих образований, ведущее из которых — Коалиция левых движений и экологии. Лево-зеленые определяют себя как левые силы, продвигающие демократию и права человека и стремящиеся к «международной солидарности, социальной справедливости, равноправному распределению благ, гендерному равенству и

солидарности с будущими поколениями» [19]. Подчеркивая роль экологической составляющей, они выражают приверженность идее «устойчивого развития мира и Европы для установления баланса между экономикой, населением и природной средой» [19]. В частности, Финский левый альянс заявляет о желании объединить «третьих левых», характеризующихся либертарианской политикой, отрицающих неолиберализм и придерживающихся принципов феминистского мышления и экологической сознательности [18]. В отличие от реформистских партий лево-зеленые партии считают, что социальное и политическое равенство должно достигаться постепенно и обдуманно. Упразднение частной собственности и права на индивидуальное обогащение отвергается как любая форма политического принуждения.

Л. Марч в своем исследовании современных европейских крайне левых партий выделяет три подгруппы в соответствии с их идеологическими и политическими предпочтениями: коммунистические, демократические социалистические и популистские социалистические партии [10].

Коммунисты сами по себе — обширная группа. Консервативные коммунисты склонны определять себя как марксисты-ленинисты, поддерживать относительно не критические взгляды на советское наследие, организовывать свои партии в соответствии с принципами «демократического централизма» и все еще видеть мир сквозь призму «империализма» времен «холодной» войны, хотя даже эти партии смешали свой марксизм-ленинизм с обращениями к национализму и популизму (прежде всего в Греции и в России). Реформистские коммунисты, с другой стороны, все больше разнообразны и эклектичны. Они развенчали аспекты советской модели (например, ленинизм и демократический централизм — в случае с Италией, Чехией и Францией; в значительной степени оппозиционность в отношении рыночной экономики — в слу-

чае с Францией и Кипром) и приняли или, по меньшей мере, признали на словах элементы «новой левой» повестки, появившейся после 1968 года (феминизм, энвайроментализм, демократия снизу и т. д.).

Демократические социалистические партии определяют себя одновременно как оппозицию «тоталитарному» коммунизму и «неолиберальной» социал-демократии и полностью поддерживают «новую левую» тематику, как то: феминизм, энвайроментализм и самоуправление (*self-management*), недогматический и во многих случаях немарксистский социализм, который особое внимание уделяет вопросам участия на местах и содержательной (или субстантивной) демократии, альтернативным образам жизни и этническим меньшинствам. Главные сторонники такой позиции — Северные лево-зеленые партии, которые наиболее четко артикулировали «эко-социалистические» установки, соединяющие экономическую и экологическую критику капитализма.

Популистские социалистические партии имеют схожее демократическо-социалистическое идеологическое ядро, но они отягощены более сильными антиэлитистскими призывами, большим идеологическим эклектизмом и акцентами скорее на идентичность, чем на классовые вопросы (в особенности — регионализм, национализм и проблемы закона и порядка). «Популизм» — противоречивый термин, поскольку часто используется против политических оппонентов, чтобы обозначить их безответственность и демагогию, ассоциирующуюся с невыполнимыми обещаниями. Однако употребляемый таким образом термин обращен ко многим малым оппозиционным партиям, которые должны преувеличивать свои намерения и возможности для самопродвижения, но шанс, что им как правительству придется отвечать за это, невелик. Более точно популизм можно отнести к политической идеологии, которая противопоставляет в обществе две ан-

---

тагонистические группы, гомогенные по своей природе, — «чистый народ» и коррумпированная элита, — и полагает, что политика должна быть выражением всеобщей воли народа [13]. Следовательно, к популистским партиям относятся те, которые стремятся определять себя как противники политических партий «мейнстрима» или «истеблишмента», и рассматривают себя как главных защитников «простого человека», полагаясь на эмоциональный дискурс и протестные настроения. Типичными для популистских взглядов были предвыборные лозунги Голландской социалистической партии в 1990-е годы: «Голосуй против!» — и германской ПДС, утверждавшей, что «День выборов — это день протеста» [23].

Все эти категории изменяются и накладываются друг на друга, например, начиная с 1990-х все леворадикальные партии стали более популистскими в том, что касается определения «рабочего класса» в более широком смысле, чтобы выйти за пределы традиционной группы «синих воротничков», и более националистическими, чтобы представить себя в качестве защитников интересов рабочих именно внутри страны, а не продолжателей советской внешней политики. Более того, современные крайне левые заметно менее идеологичны и более прагматичны, чем в период существования СССР.

Электоральные результаты основных леворадикальных партий в странах Западной Европы, достигнутые ими в годы после трансформации коммунизма, существенным образом различаются. Основные тенденции развития могут быть проиллюстрированы на основе анализа кейсов французской, нидерландской и германской леворадикальных партий.

Примером реформированной коммунистической партии может служить ФКП. Во Франции попытка компартии адаптироваться к современным условиям оказалась неудачной, однако причиной упадка ФКП

нельзя считать крах коммунизма конца 1980-х годов, поскольку снижение электоральной поддержки началось раньше. Одним из первых и наиболее болезненным ударом для ФКП стало поражение Ж. Марше на президентских выборах 1981 года, когда он набрал 15,5% голосов, впервые опустившись до уровня поддержки середины 1930-х годов [22]. С этого момента электоральные результаты продолжили ухудшаться. К 1990-м годам рабочее классовое сознание и культура оставались ядром идентичности компартии, в то время как в обществе рабочий класс занимал менее важную позицию. Более того, в рейтинге голосования рабочих ФКП осталась позади социалистов и Национального Фронта. Партия продолжала рассматривать рабочий класс как центр индустриального общества, когда в действительности произошел переход к постиндустриализму. Выступления за ядерное разоружение и сокращение оборонительных расходов противоречили интересам рабочих военно-промышленного комплекса. Поддержка интернационализма со стороны партийного аппарата также не отражала настроений избирателей, на которых они ориентировались: 97% состава партийного аппарата поддерживали право голоса ненатурализованных иммигрантов в надежде завоевать потенциальную электоральную клиентулу в пригородах, в то время как низшие классы общества массово отвергали мусульманскую иммиграцию из стран Магриба, Африки и Турции [9, p. 97–98].

С 1994 года национальный секретарь ФКП Робер Ю начал курс перемен (*la mutation*), партия начала диалог с социалистами, с Гражданским движением, слевой радикальной партией, а также с «зелеными» и с Революционной коммунистической лигой. Из партийной риторики исчезли ключевые понятия марксизма-ленинизма: рабочий класс, классовая борьба, социализм. Партия представляла себя теперь как «партию гражданской интервенции», которая

борется с отклонениями от демократии, «не упраздняя демократию, а усиливая ее в виде прямой демократии» [21]. Однако перемены не возымели ожидаемого эффекта, и ФКП не удалось остановить падение электоральной поддержки. Худшим результатом в истории ФПК стало поражение кандидата на президентских выборах 2007 года, когда М.-Ж. Бюффе получила лишь 1,93% голосов, существенно уступив О. Безансено, баллотировавшемуся от Коммунистической революционной лиги (КРЛ) [22].

В настоящее время ФКП активизировала сотрудничество с другими леворадикальными партиями и движениями в рамках Левого фронта [17], понимая, что не имеет достаточных электоральных ресурсов для успешной самостоятельной политической деятельности. На региональных выборах 2010 года Левый фронт набрал 6,95% в 17 регионах, что на 170 000 голосов больше, чем в 2004 году, однако на фоне общего роста непосредственно ФКП потеряла почти половину мест, уступив их партнерам из Левого фронта.

В целом стратегия сохранения коммунистической идентичности была наименее успешной. Есть коммунистические партии, сумевшие сохранить невысокий стабильный уровень электоральной поддержки в течение последних 20 лет, несмотря на значительные колебания между выборами. Однако в лучшем случае таким партиям удается удерживать свой рейтинг на уровне гораздо ниже, чем в 1980-е годы, как в Греции и Португалии. Как и во Франции, в Испании, Италии коммунистические партии испытали значительные электоральные потери, и их будущее в долгосрочной перспективе находится под вопросом.

Голландская партия «Зеленых левых» — пример трансформации коммунистической партии в демократическую социалистическую. Компартия Нидерландов, будучи длительное время ортодоксальной, в конце 1970-х годов прошла процесс «десталини-

зации», в 1980-е годы трансформация перешла в стадию «деленинизации», в результате которой партия отказалась от идеологического и организационного наследия В. И. Ленина и едва ли теперь могла называться «коммунистической». В 1991 году этот процесс пришел к логическому завершению, когда КПН объявила о самороспуске и волилась в «Зеленых левых» (*Groen Links*). Сначала идеология партии была достаточно двойственной и включала экологические и социальные требования. Со временем число коммунистов в партии сокращается, а позиции становятся все менее «красными» и более «зелеными». Если в 1989 году в программе партии были призывы к «социализации экономики», к социально-экономическому планированию и парламентскому контролю банков и других финансовых институтов, то с 1998 года планирование больше не упоминалось. Требования по эгалитарной социальной политике, к увеличению прожиточного уровня и оплаты труда остались во всех платформах, а удельный вес экологических требований значительно вырос [16, р. 23].

Как показывает практика, европейские демократические социалистические партии, в том числе «красно-зеленые», в большей степени, чем другие леворадикальные партии, ориентирующиеся на класс «белых воротничков», пользуются стабильной поддержкой.

Популистские социалистические партии (особенно в Германии, Нидерландах и Ирландии) наиболее динамичны и добились в 2000-е годы наилучших электоральных результатов. Самой успешной оказалась леворадикальная партия в Германии, которая относится к этому типу. В 1990 году на фоне падения коммунистических режимов и разворачивающегося процесса объединения Германии СЕПГ потеряла доминирующее положение в ГДР и, чтобы уберечь партию от коллапса, была преобразована в Партию демократического социализма (ПДС). Изначально ПДС представляла собой партию

«новых» федеральных земель и ориентировалась на электоральную и организационную базу, доставшуюся ей в наследство от СЕПГ. Программа, принятая в 1993 году, включала в себя порою противоречивые позиции по окружающей среде, правам женщин, рыночной экономике и принципам регулирования, по значению новых общественных движений и т. д. Основной ее задачей была критика западногерманской политической системы. Что касается теоретических аспектов, до 2002 года центральное место занимало положение о «важности интеллектуалов в процессе перестроения гражданского общества» [8, р. 113], основанное на модели А. Грамши [15]. Партия сосредоточила свое внимание на наиболее уязвимых элементах в общественном консенсусе — на неблагоприятных слоях населения (безработных, матерях-одиночках) или, например, на сексуальных меньшинствах. В терминологии ПДС получили распространение такие понятия, как «граждане второго сорта», «оккупация победителей», «справедливость победителей», «капиталистическое разграбление», «аккультурация» и «достижения ГДР» [12].

В 2002 году стало очевидно, что программа, не менявшаяся почти 10 лет, требует пересмотра. В Восточной Германии поддержка стала снижаться, в то время как в «старых» федеральных землях партия практически не играла никакой роли. В 2003 году ПДС приняла новую программу, в которой были модернизированы позиции и приняты во внимание такие современные процессы, как глобализация. На региональных выборах 2004 года партия сделала ставку на протестные настроения с главными лозунгами: «Хватит!» и «Усиль протест!». Популистская кампания успешно отразила настроения и страхи населения перед ухудшающейся экономической ситуацией. К 2004–2005 году недовольство «неолиберальной» политикой Г. Шредера возросло внутри СДПГ, принятие программы Hartz IV — Agenda 2010, предпо-

лагавшей значительные сокращения пособий по безработице, привело к тому, что сторонники О. Лафонте, бывшего председателя СДПГ, члена АТТАК, объединились с троцкистами в партию «Избирательная альтернатива — Труд и социальная справедливость» (WASG). На досрочных парламентских выборах 2005 года объединенные «ПДС. Левые» завоевали 8,7% голосов [18]. Как показали социально-демографические исследования, на сторону партии перешли 970 тыс. избирателей от СДПГ, 290 тыс. — от ХДС/ХСС, 240 тыс. — от Партии зеленых, 100 тыс. — от СвДП и прочих партий, включая правоэкстремистские, а также 430 тыс. — из лагеря абсентеистов. Среди сторонников партии несколько больше мужчин, рабочих, жителей крупных городов и сельских сообществ, массовую поддержку партия получила от безработных и рабочих с низкой покупательной способностью, превращаясь, таким образом, в «неопролетарскую» силу [12, р. 80]. В 2007 году произошло окончательное слияние леворадикальных сил в партию «Левые» (die Linke), программа которой строится на антикапитализме, выражающемся в борьбе против неолиберальной глобализации, в отрицании неолиберальной Европы, в антиамериканизме, антифашизме и антирасизме. Партия поддерживает вмешательство государства в экономику, а также политику национализации. Критика представительской демократии включает требования увеличения числа плебисцитарных элементов. На последних национальных выборах Левые упрочили свои позиции, набрав 11,9%, что показывает неслучайность их успеха 2005 года.

Исследуя причины успеха или неудач леворадикальных партий в разных странах Европы, можно выделить несколько наиболее важных черт социально-политической обстановки, влияющей на выбор избирателей. К наиболее важным можно отнести наличие сильной леворадикальной партии-предшественницы, высокий уро-

---

вень безработицы и протестных настроений, отсутствие конкурирующих протестных партий и конвергенцию партийной системы — по определению Л. Марча, «оптимальных долгосрочных факторов успеха современных крайне левых партий» [10, р. 13]. Значение «кризиса модернизации» можно проследить в ряде стран, где более велика доля считающих, что глобализация угрожает занятости и национальным компаниям — в таком случае находят отклик антиглобалистская риторика и акцент на защиту занятости. Не все леворадикальные партии в полной мере используют протестные настроения, некоторые из них — греческая ККЕ, германские левые и голландская СП — гораздо более антиэлитистские, чем другие.

Успешные леворадикальные партии, сумевшие адаптироваться к новым условиям, все реже опираются на абстрактные идеологические лозунги и доктрины и стремятся объединить все радикальные левые тенденции под флагом оппозиции неолиберализму, мало обращаясь к марксизму и социализму.

На направление развития и успех леворадикальных партий в европейских странах оказывают влияние и другие акторы партийной системы. Учитывая, что леворадикальные партии часто воспринимаются как чуждые и «ненормальные» элементы, можно выделить несколько стратегий, которых придерживаются ведущие партии в отношении них: стратегия «санитарного кордона», прагматичное сотрудничество и «агрессивная кооптация» [11]. В рамках первой стратегии отрицается легитимность радикальных партий, они планомерно изображаются как изгои — антидемократические и тоталитарные. В этом случае сотрудничество с леворадикальными партиями исключено, а их инициативы на всех уровнях власти блокируются. Во втором случае радикальные партии рассматривают как легитимных и нормальных акторов, с которыми можно взаимодействовать, ино-

гда конкурируя, иногда сотрудничая, а не сквозь идеологическую призму. «Агрессивная кооптация» не исключает возможности сотрудничества с радикальными партиями, однако совмещается с попыткой занять политическое пространство радикалов, выборочно перенимая их позиции.

Со стороны леворадикальных партий наибольшим изменением со времен «холодной» войны стало отношение к участию в работе правительства: они стали более открыты к созданию правительственных коалиций с социал-демократами и зелеными или, как минимум, к *ad hoc* сотрудничеству в парламенте и к поддержке социал-демократических правительств меньшинства.

Что касается влияния на радикальных левых политических партий с нетрадиционной повесткой, сравнительный анализ электоральных результатов в странах ЕС-15 за последние два десятилетия выявил несколько закономерностей. Если в политической системе представлены как радикальные правые, так и радикальные левые, они, как правило, не конкурируют в борьбе за одну и ту же группу избирателей: либо леворадикальные партии обращаются к постматериалистическим позициям, либо праворадикальные партии ориентируются на либерально-консервативную экономическую политику. Во Франции, где ФКП соперничает с Национальным Фронтом за один и тот же сегмент электората, эта стратегия оказалась неудачной для обоих игроков: поддержка НФ сократилась до исторического минимума. Итальянские левые радикалы и «зеленые» не выдержали конкуренции с правыми популистами (на парламентских выборах 2008 г. их объединенные списки набрали менее 4% голосов) [22].

При наличии в политической системе Партии зеленых радикальным левым сложнее включить в повестку постматериалистические вопросы, успешно артикулируемые «зелеными». Таким образом, более вероятно, что леворадикальная партия в та-

кой системе пойдет по популистско-социалистическому пути развития. В большинстве случаев леворадикальные партии успешны там, где нет конкуренции ни со стороны праворадикальных, ни со стороны «зеленых» партий.

На общеевропейском уровне с середины 1990-х гг. консолидация леворадикальных партий возрастает после периода дезинтеграции и дезориентации. Наиболее значимым является сотрудничество на платформе социальных форумов и институтов ЕС. Европарламентская группа Объединенные европейские левые — Северные зеленые левые (GUE/NGL) с 1995 способствует преодолению глубоких расколов, которые препятствовали сотрудничеству в 1970–1980-е гг., когда леворадикальным партиям не удавалось выработать общие позиции на выборах. Группа ОЕЛ/СЗЛ, представляя собой свободную форму сотрудничества, за время своего существования стала наиболее активной и представительной и включает 17 партий из 12 стран ЕС-27. Она содействует сближению радикальных левых по вопросам поддержки более демократизированного ЕС и помогает смягчить позиции наиболее оппозиционных в отношении интеграции партий [20]. Однако ОЕЛ/СЗЛ остается одной из самых разрозненных групп Европарламента, охватывая широкий

спектр взглядов: от относительно умеренного, про-интеграционистского и антикоммунистического финского Левого альянса до крайней, антиинтеграционистской, националистической и безоговорочно коммунистической Компартии Греции. В процессе формирования политики Европарламента леворадикальная группа остается маргинальной. Формирование транснациональной Европейской левой партии (ЕЛ) в 2004 г. также является неоднозначным — с одной стороны, это существенный шаг в развитии леворадикальной партийной семьи, с другой — ряд значимых партий, как голландская СП, финский ЛА, шведская Левая партия, не присоединились к ЕЛ, а среди ее участников — много микропартий, не оказывающих влияния на политику в национальных системах.

Подводя итоги, можно заключить, что в современной Европе сформировалась леворадикальная партийная семья, включающая несколько типов партий: коммунистических, популистских социалистических и социалистических демократических (включая экосоциализм). На выбор пути развития партий и их успех оказал влияние ряд факторов, среди которых решающими были политико-культурная среда и дизайн национальной партийной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Левые в Европе XX века. Люди и идеи: Сборник статей / Под ред. Н. П. Комоловой, В. В. Дамье. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2001.
2. *Abedi A.* Anti-Political Establishment Parties: A Comparative Analysis. London: Routledge, 2004.
3. *Botella J., Ramiro L.* The Crisis of Communism and Party Change. The Evolution of West European Communist and Post-Communist Parties. Barcelona: Institut de Ciències Polítiques i Socials, 2003.
4. *Bozóki A., Ishiyama John T.* The communist successor parties of Central and Eastern Europe. M. E. Sharpe, 2002.
5. *Brown A.* The Rise and Fall of Communism. Doubleday Canada, 2009.
6. Communist and post-communist parties in Europe / Eds. U. Backes, P. Moreau. — Hannah-Arendt-Institut für Totalitarismusforschung. — Vandenhoeck & Ruprecht, 2008.
7. *Cooke P.* Representing East Germany since unification: from colonization to nostalgia/ Berg Publishers, 2005.
8. *Courtois S., Andolfatto D.* France — The Collapse of the House of Communism // Communist and post-communist parties in Europe / Eds. U. Backes, P. Moreau. — Hannah-Arendt-Institut für Totalitarismusforschung. — Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. P. 87–132.

-
9. *Mahr A., Nagle J. D.* Resurrection of the Successor Parties and Democratization in East-Central Europe // *Communist and Post-Communist Studies*, 1995. Vol. 28.
  10. *March L.* Contemporary Far Left Parties in Europe. From Marxism to the Mainstream? // *International Policy*. Friedrich Ebert Stiftung, 2008.
  11. *March L., Mudde C.* What's Left of the Radical Left? The European Radical Left since 1989: Decline and Mutation // *Comparative European Politics*, 2005. Vol. 3.
  12. *Moreau P.* The PDS/Linkspartei. PDS and the Extreme Left — Decline and Renaissance of Communism in Germany // *Communist and post-communist parties in Europe* / Eds. U. Backes, P. Moreau. — Hannah-Arendt-Institut für Totalitarismusforschung. — Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. P. 39–86.
  13. *Mudde C.* The Populist Zeitgeist // *Government & Opposition*. 2004. Vol. 39.
  14. *Müller-Rommel F.* The Lifespan and the Political Performance of Green Parties in Western Europe // *Green Parties in National Governments*. Eds. Müller-Rommel F., Poguntke T. London: Frank Cass, 2002.
  15. *Pellicani L.* Gramsci. An Alternative Communism? Hoover Institution Press, 1981.
  16. *Voerman G.* The Disappearance of Communism in the Netherlands // *Communist and post-communist parties in Europe* / Eds. U. Backes, P. Moreau. — Hannah-Arendt-Institut für Totalitarismusforschung. — Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. P. 13–38.
  17. Le Front Gauche. La page officielle. URL: <http://www.frontdegauche.eu/index.php/>
  18. Left Alliance Party Program. URL: <http://www.vasemmisto.fi/component/content/article/24-politiikka/961-the-left-road-to-a-just-world-.html>
  19. Nordic Green Left. Political platform. URL: <http://www.nordic-green-left-alliance.org/en/platform.htm>
  20. Parliamentary Group European United Left — Nordic Green Left. URL: <http://www.guengl.org/showPage.php?ID=1&LANG=1&GLANG=1>
  21. Parti Communiste Français. La page officielle. URL: <http://www.pcf.fr/spip.php?rubrique112>
  22. Parties and Elections in Europe. A database. URL: <http://www.parties-and-elections.de/>
  23. Programm der Partei DIE LINKE. URL: http://die-linke.de/fileadmin/download/positionen/krueger_moeglichkeiten_demokratisierung1207.pdf
  24. Socialistische Partij. Programma — 2006. URL: http://www.sp.nl/2006/programma/betere_democratie.shtml

REFERENCES

1. *Levye v Evrope XX veka. Ljudi i idej: Sbornik statej* / Pod red. N. P. Komolovoj, V. V. Dam'e. M.: Institut vseobshej istorii RAN, 2001. 466 s.
2. *Abedi A.* Anti-Political Establishment Parties: A Comparative Analysis. London: Routledge, 2004.
3. *Botella J., Ramiro L.* The Crisis of Communism and Party Change. The Evolution of West European Communist and Post-Communist Parties. Barcelona: Institut de Ciencies Politiques i Socials, 2003.
4. *Bozóki A., Ishiyama John T.* The communist successor parties of Central and Eastern Europe. M. E. Sharpe, 2002.
5. *Brown A.* The Rise and Fall of Communism. Doubleday Canada, 2009.
6. *Communist and post-communist parties in Europe* / Eds. U. Backes, P. Moreau. — Hannah-Arendt-Institut für Totalitarismusforschung. — Vandenhoeck & Ruprecht, 2008.
7. *Cooke P.* Representing East Germany since unification: from colonization to nostalgia/ Berg Publishers, 2005.
8. *Courtois S., Andolfatto D.* France — The Collapse of the House of Communism // *Communist and post-communist parties in Europe* / Eds. U. Backes, P. Moreau. — Hannah-Arendt-Institut für Totalitarismusforschung. — Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. P. 87–132.
9. *Mahr A., Nagle J. D.* Resurrection of the Successor Parties and Democratization in East-Central Europe // *Communist and Post-Communist Studies*, 1995. Vol. 28.
10. *March L.* Contemporary Far Left Parties in Europe. From Marxism to the Mainstream? // *International Policy*. Friedrich Ebert Stiftung, 2008.
11. *March L., Mudde C.* What's Left of the Radical Left? The European Radical Left since 1989: Decline and Mutation // *Comparative European Politics*, 2005. Vol. 3.

-
12. *Moreau P.* The PDS/Linkspartei. PDS and the Extreme Left — Decline and Renaissance of Communism in Germany // Communist and post-communist parties in Europe / Eds. U. Backes, P. Moreau. — Hannah-Arendt-Institut für Totalitarismusforschung. — Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. P. 39–86.
  13. *Mudde C.* The Populist Zeitgeist // Government & Opposition. 2004. Vol. 39.
  14. *Müller-Rommel F.* The Lifespan and the Political Performance of Green Parties in Western Europe // Green Parties in National Governments. Eds. Müller-Rommel F., Poguntke T. London: Frank Cass, 2002.
  15. *Pellicani L.* Gramsci. An Alternative Communism? Hoover Institution Press, 1981.
  16. *Voerman G.* The Disappearance of Communism in the Netherlands // Communist and post-communist parties in Europe / Eds. U. Backes, P. Moreau. — Hannah-Arendt-Institut für Totalitarismusforschung. — Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. P. 13–38.
  17. Le Front Gauche. La page officielle. URL: <http://www.frontdegauche.eu/index.php/>
  18. Left Alliance Party Program. URL: <http://www.vasemmisto.fi/component/content/article/24-politiikka/961-the-left-road-to-a-just-world-.html>
  19. Nordic Green Left. Political platform. URL: <http://www.nordic-green-left-alliance.org/en/platform.htm>
  20. Parliamentary Group European United Left — Nordic Green Left. URL: <http://www.guengl.org/showPage.php?ID=1&LANG=1&GLANG=1>
  21. Parti Communiste Français. La page officielle. URL: <http://www.pcf.fr/spip.php?rubrique112>
  22. Parties and Elections in Europe. A database. URL: <http://www.parties-and-elections.de/>
  23. Programm der Partei DIE LINKE. URL: http://die-linke.de/fileadmin/download/positionen/krueger_moeglichkeiten_demokratisierung1207.pdf
  24. Socialistische Partij. Programma — 2006. URL: http://www.sp.nl/2006/programma/betere_democratie.shtml

Н. С. Давыдов

ТИПЫ, ПРИЗНАКИ СТАРЕНИЯ И ФАЗЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ МАЛЫХ КОНТАКТНЫХ ГРУПП В МОЛОДЁЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЯХ

Проанализирована деятельность движений, в том числе неформальных, использующих ненасильственные методы сопротивления, и выделена основа таких движений — малая контактная группа. Рассмотрены схемы функционирования малых групп с точки зрения их долгосрочной эффективности, а также идеология как один из важных мотивирующих факторов участия. Выделены признаки социального, идеологического и функционально-творческого характера, определяющие снижение эффективности функционирования малой группы, проанализированы способы, позволяющие увеличить эффективность деятельности группы как основной формы организации политической борьбы.

Ключевые слова: долгосрочное функционирование малых контактных групп, молодежные движения, ненасильственное сопротивление.

N. Davydov

TYPES, SIGNS OF AGEING, AND LIFE STAGES OF SMALL CONTACT GROUPS IN YOUTH POLITICAL MOVEMENTS

The operation of movements including informal movements that use methods of non-violent resistance has been analyzed and the fundamental element of such movements has been identified as a small contact group. Small groups operating models have been regarded from the point of view of their long-term efficiency, and their ideology has been regarded as one of the main motivating